

нашли два маленьких ножика. Нескладные ее речи наводили на мысль о покушении на жизнь Робеспьера, во всяком случае совершенно ребяческом.

Нет сомнения, что оба эти покушения послужили предлогами в пользу закона о терроре.

Оба Комитета немедленно воспользовались случаем, чтобы устроить громадную «амальгаму», т. е. казнь всякого рода людей, соединенных как попало в один процесс. Арестовали отца и брата Сесилии, а также нескольких человек, единственным преступлением которых было знакомство с Ладмиралем. В ту же «амальгаму» включили г-жу Сент-Амарант, которая держала игорный дом, где посетители встречали ее дочь г-жу Сартин, известную своей красотой. А так как этот дом усердно посещали всякого сорта люди, между прочим Шабо, Дефье и Эро-де-Сешель, и туда заходил, по-видимому, Дантон и младший брат Робеспьера, то из этого постарались сделать роялистский заговор, к которому хотели примешать даже Максимилиана Робеспьера через его брата. В тот же процесс включили Сомбрейля (того самого, которого Майяр спас во время убийств 2 сентября), актрису Гран-Мезон, приятельницу известного роялиста барона Батца, роялиста Сартина, одного из роялистских «рыцарей кинжала», и рядом с этими господами - несчастную 17-летнюю девочку, портниху Николь.

В силу закона 22 прериала судебное дело было решено самым быстрым образом. В этот раз на казнь повезли сразу 54 человека, одетых в красные рубашки, как отцеубийцы, и казнь продолжалась два часа. Так вступал в действие новый закон, который получил название закона Робеспьера. Он сразу делал царство террора ненавистным для массы парижан.

Легко представить себе, какое стало состояние умов среди арестованных по сентябрьскому закону «о подозрительных», которыми были тогда набиты парижские тюрьмы, когда они узнали о законе 22 прериала и его применении к 54 казненным. Они ждали всеобщего избиения, «чтобы очистить тюрьмы», как это было сделано в Нанте и Лионе, и готовились к сопротивлению. По всей вероятности, составлялись также планы тюремных бунтов¹.

Тогда революционный суд стал сразу приговаривать к смерти по 150 человек, которых казнили отрядами по 50, уголовных и роялистов, отвозимых вместе на эшафот.

Нам нет нужды останавливаться на этих казнях. Достаточно сказать, что со дня основания Революционного трибунала, т. е. с 17 апреля 1793 г., вплоть до 22 прериала II года (10 июня 1794 г.), т. е. в 14 месяцев, было казнено в Париже 2607 человек; но со дня введения нового закона, с 22 прериала (10 июня), по 9 термидора (27 июля 1794 г.) тот же суд послал на казнь 1351 человека в 46 дней.

Парижский народ скоро стал с ненавистью смотреть на эти телеги, подвозившие каждый день десятки приговоренных к подножию гильотины, причем пять палачей едва успевали опоражнивать живой груз. В городе не находилось более кладбищ, чтобы хоронить эти жертвы, и всякий раз, когда в предместьях открывали новые кладбища, чтобы зарывать там казненных, резкие протесты поднимались среди населения этих кварталов. Теперь симпатии парижских рабочих обращались уже к казненным, тем более что богатые эмигрировали или скрывались в самой Франции и под гильотину попадали преимущественно бедняки. В самом деле, из 2750 гильотинированных, общественное положение которых мог установить Луи Блан, оказалось, что только 650 человек принадлежали к зажиточным классам. В то время даже говорили друг другу по секрету, что в Комитете общественной безопасности сидит роялист, агент барона Батца, который толкает на казни, чтобы возбудить ненависть против республики.

Одно только несомненно, это то, что каждая такая партия казнимых ускоряла падение якобинцев.

Есть вещи, которых государственные люди не понимают. Террор перестал терроризировать. «Устрашение» более не устрашало, а только озлобляло.

LXVIII

ДЕВЯТОЕ ТЕРМИДОРА. ТОРЖЕСТВО РЕАКЦИИ

Если у Робеспьера было множество поклонников, доходивших даже до обоготворения своего героя, то у него не было также недостатка во врагах, глубоко его ненавидевших. Эти враги пользовались всем, чем могли, чтобы возбудить враждебное к нему отношение, приписывая ему все ужасы террора. Они не пропустили также случая представить его в смешном свете, впутав его в нелепые

¹ При обыске, сделанном в тюрьмах, были найдены у заключенных значительные суммы денег (864 тыс. ливров), независимо от драгоценностей, так что считали, что у заключенных было всего на 1200 тыс. ливров всяких ценностей.